

не только по имени, а по дѣламъ и настроенію сознательно или безсознательно суть враги Христа.

**Старый педагогъ.**

**Протоіерей Иннокентій Александровичъ Подгорбунскій.**

(НЕКРОЛОГЪ).

(Окончаніе).

Погребеніе о. Иннокентія происходило 21 сентября въ Тихвинской церкви. Заупокойную литургію совершалъ Преосвященный Евгеній, епископъ Киренскій. Послѣ запричастнаго стиха о. Александръ Писаревъ произнесъ слѣдующее слово:

*Помощникъ и покровитель  
бысть мнѣ во спасеніе: Сей мой  
Богъ, и прославлю Его, Богъ  
Отца моего, и вознесу Его, славно  
бо прославися.*

Съ такими словами провожаетъ Св. Церковь своихъ священнослужителей въ загробный міръ, провожаетъ въ предшествіи запрестольнаго креста, символа побѣды надъ смертью и адомъ, иконы Богоматери и священныхъ церковныхъ хоругвей, провожаетъ Св. Церковь вѣрныхъ служителей Алтаря Божія съ колокольнымъ звономъ—данью чести православнымъ сынамъ церкви Христовой.

Дорогой учитель Иннокентій Александровичъ! Когда недѣлю тому назадъ я шелъ въ богадѣльную имени твоего Небеснаго Покровителя Св. Иннокентія на очередное служеніе молебна, ты въ это время вышелъ изъ воротъ Промышленнаго училища. И по какой-то тайной, непонятной для себя самого, причинѣ я смотрѣлъ за тобой упорно, ловя каждый твой шагъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ты не скрылся изъ глазъ моихъ. Это было для тебя незамѣтное, послѣднее мое съ тобою свиданіе. Твоя фигура, по-

ходка твоя напомнила мнѣ годы моего ученія, когда ты тою же походкой шелъ по корридолу семинаріи въ классъ; мы всегда радостно встрѣчали тебя, слушая твои увлекательныя бесѣды по буддизму, интересъ къ нему былъ тѣмъ живѣе, что мы проходили науку о буддизмѣ по твоимъ же запискамъ, тобою составленнымъ.

Есть старинное изреченіе: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, тогда я скажу, кто ты таковъ“, на основаніи этого изреченія заключаемъ, что ты всю свою жизнь посвятилъ наукѣ, юношеству и интересамъ родной для тебя Иркутской епархіи; вотъ вѣнокъ отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, отъ законоучителей г. Иркутска, отъ Промышленнаго училища, Института Императора Николая I-го, и т. д.; гробъ твой окружень юношами и твоими почитателями; такое почтенное общество свидѣтельствуеть долгъ уваженія и чести тебѣ — труженнику, непокладавшему рукъ до конца дней своей жизни.

Видимъ въ десницѣ твоей Крестъ — символъ побѣды надъ адомъ и смертью, онъ данъ тебѣ какъ воину Царя Небеснаго, донесшему свой жизненный крестъ до конца; помолись же о насъ, дорогой, равно какъ и мы будемъ молиться о тебѣ, да упокоить Господь душу твою, гдѣ уже не будетъ и нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія“.

Отпѣваніе совершилъ Преосвященный Евгеній въ сослуженіи архимандритовъ Зосимы и Иннокентія и многочисленнаго духовенства. Предъ началомъ отпѣванія протоіерей Іоаннъ Дроздовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„При видѣ раскрытаго гроба Св. Церковь утѣшаетъ насъ слѣдующими словами нашего Спасителя: наступитъ время и настало уже, когда мертвые услыжатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ (Іоан.

V, 25). И такъ, мы послѣ смерти будемъ жить, воскреснемъ. Глубоко радостная вѣсть.

Но является вопросъ: какъ воскреснуть мертвые? и въ какомъ тѣлѣ придутъ.

На это св. апостоль отвѣчаетъ: безразсудный, то, что ты съешь, не оживетъ, если не умретъ. И когда ты съешь, то съешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное, или другое какое. Но Богъ дастъ ему тѣло, какъ захочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло. Такъ будетъ, продолжаетъ св. апостоль, и при воскресеніи мертвыхъ: сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славѣ, сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное. (1 Кор. XV, 35—38; 42—44).

Итакъ, каждый изъ насъ живетъ здѣсь, на землѣ, временно; настоящая жизнь, вѣчная, будетъ послѣ смерти, за гробомъ.

И ты, почившій насъ собратъ, о. протоіерей Иннокентій Александровичъ, вступилъ въ новую жизнь, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія.

Неожиданна была твоя кончина, и всѣхъ твоихъ многочисленныхъ знакомыхъ она глубоко поразила. Обыкновенно бываетъ такъ, что при жизни не цѣнятъ того, что человекъ дѣлаетъ. Но по смерти, у открытаго гроба, обыкновенно наиболѣе чувствуется потеря, живѣе чувствуется то, что онъ сдѣлалъ для своихъ близкихъ при жизни, чѣмъ онъ былъ для нихъ.

Собравшись здѣсь у твоего гроба, нельзя удержаться, чтобы не сказать тебѣ, что тобой сдѣлано въ пройденный тобою тяжелый путь.

Твоя дѣятельность была разнообразная. Молодой, могучаго тѣлосложенія, полный силъ и энергіи, ты началъ службу при духовной семинаріи по окончаніи курса на миссіонерскомъ отдѣленіи Казанской духовной академіи. Еще здѣсь, въ академіи, замѣтили у

тебя большой умъ, соединенный съ такою же трудо-способностью. Твое кандидатское сочиненіе, посвященное изслѣдованію неизвѣстнаго русскою наукою одного монгольскаго сочиненія, обратило вниманіе и признано было удовлетворительнымъ не только для степени кандидата, но даже магистра богословія. И академія тебя не забывала, она даже звала тебя занять каѳедру въ ней, но ты отклонилъ ея лестное предложеніе и посвятилъ всѣ свои недюжинныя силы родной епархіи. Тебѣ казалось, что здѣсь для тебя болѣе широкое поприще, чѣмъ тамъ, въ далекой Казани, далекой отъ монгольскаго міра, который ты безповоротно избралъ своею спеціальностію.

И, вотъ, ты сосредоточиваешься въ здѣшней духовной семинаріи, гдѣ начинаешь преподавать миссіонерскіе предметы.

Предметы, которые ты началъ преподавать, не имѣли ни программъ, ни учебниковъ. Нужно было выработать первыя, и составить вторыя. Предстоялъ огромный трудъ, и ты выполнилъ его съ полнымъ успѣхомъ. Составленныя тобою учебники въ отлитографированномъ видѣ и до сихъ поръ употребляются въ семинаріи. Большой знатокъ своего предмета, одинъ изъ немногихъ научно образованныхъ монголистовъ въ Россіи, ты привлекалъ общее вниманіе всѣхъ, кто имѣлъ какое-либо соприкосновеніе практическое или теоретическое съ монголовѣденіемъ. Съ такими знаніями тебѣ не трудно было заинтересовать своимъ предметомъ учениковъ семинаріи и поставить его совершенно твердо среди другихъ предметовъ семинарскаго курса. Отъ учениковъ ты требовалъ серьезнаго отношенія къ дѣлу, былъ вообще суровъ въ отношеніи къ нимъ. Такъ заставляла тебя поступать ревность къ своему предмету. Ученики это прекрасно знали, они прекрасно знали, кто предъ ними сидитъ, и относились къ дѣлу со всѣмъ вниманіемъ и серьезностію. Но

ты не ограничился только тѣмъ, что хорошо поставилъ предметъ и составилъ учебники для него. Ты положилъ много труда, чтобы дать своему предмету наглядность. Съ этою цѣлью ты собираешь музей, гдѣ собраны разные предметы инородческихъ культуръ, вполне достаточный для потребностей преподаванія.

На обязанности преподавателей миссіонерскихъ предметовъ въ тогдашнее время лежала обязанность завѣдывать семинарской библіотекой. Эта библіотека старѣйшее и до сихъ поръ лучшее богословское книгохранилище въ Восточной Сибири. Предъ твоимъ поступленіемъ въ должность библіотекаря она была въ довольно запущенномъ видѣ. Требовалось составить вновь каталогъ и размѣстить по нему книги вновь. Требовались новые шкафы для книгъ. На упорядоченіе библіотеки семинарское начальство обратило тогда серьезное вниманіе. Исполнена была у Святѣйшаго Синода значительная сумма денегъ—1.000 рублей на устройство новыхъ шкафовъ. Работы было по библіотекѣ очень много; вся почти корпорація, каждый по своей специальности, работала надъ приведеніемъ ея въ порядокъ. Но тебѣ, конечно, доставалось въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ. Наконецъ, она была приведена въ полный порядокъ, въ каковомъ находится и теперь. Составленъ былъ новый каталогъ, который дѣйствуетъ и сейчасъ.

Но работа въ семинаріи не поглащала тебя всецѣло. Возведенный въ санъ священника, ты поступаешь законоучителемъ въ Промышленное училище, гдѣ и преподавалъ сначала Законъ Божій, затѣмъ гражданскую исторію до своей безвременной кончины. Преподавалъ также Законъ Божій во 2-ой женской прогимназіи (теперь гимназіи) и женскомъ институтѣ.

Свободнаго времени у тебя было мало, но ты, все-таки, находилъ его для занятій въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, для того, чтобы быть предѣла-

телемъ кассы духовно-учебныхъ заведеній, предсѣдателемъ эмеритальной кассы духовенства епархіи (касса эта, кстати, во многихъ отношеніяхъ новое созданіе), предсѣдателемъ переводческой комиссіи, предсѣдателемъ предсѣздной комиссіи, имѣющей своимъ назначеніемъ очень важную задачу готовить матеріалъ для ежегоднаго сѣзда духовенства епархіи, членомъ миссіонерскаго комитета, редактора Извѣстій Географическаго Общества; и это все въ одно и тоже время! Здѣсь, кстати, слѣдуетъ упомянуть о твоёмъ 8-лѣтнемъ редакторствѣ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“; ты много сдѣлалъ полезнаго для епархіальнаго печатнаго органа. Словомъ, твоимъ совѣтомъ, твоимъ знаніемъ и опытностью ты въ ущербъ себѣ позволялъ широко пользоваться разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Среди самыхъ разнообразныхъ дѣлъ и занятій, которыя у тебя отнимали столько дорогого времени, ты не оставлялъ и науки. Она для тебя была настоящимъ отдохновеніемъ, которымъ, къ сожалѣнію, тебѣ приходилось очень мало пользоваться. Плоды твоего отдыха налицо. Твое обширное сочиненіе о буддизмѣ въ двухъ частяхъ несомнѣнно является однимъ изъ лучшихъ сочиненій по данному предмету. Твой русско-бурятскій словарь несомнѣнно долго будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Несомнѣнно очень цѣнны и полезны твои матеріалы для грамматики разговорнаго бурятскаго языка и другія работы.

И ты отошелъ отъ насъ въ такіе годы, когда еще много можно было ждать отъ тебя.

Прости же насъ, быть можетъ, недостаточно цѣнившихъ тебя и недостаточно тебя понимавшихъ. Теперь ты, просвѣщенный здѣшнимъ несовершеннымъ земнымъ свѣтомъ разума и науки, зришь невечерній свѣтъ. Намъ, остающимся здѣсь на землѣ, остается только, благодаряще Бога, молить Его, да упокоить

Онъ тебя отъ трудовъ твоихъ въ нѣдрахъ Авраама Исаака и Иакова, въ царствіи небесномъ. Аминь!“

Послѣ рѣчи протоіерея Дроздова начался трогательный чинъ погребенія. Послѣ 1-го евангелія священникъ Александръ Азлецкій произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Дорогой товарищъ, сотрудникъ и другъ нашъ о. Иннокентій Александровичъ. Мы—твои сочлены по Географическому Обществу, преисполненные скорби о своей потерѣ и любви и уваженія къ тебѣ,—пришли проститься съ тобой, помолиться у твоего гроба объ упокоеніи тебя въ вѣчныхъ обителяхъ... Какую же пѣснь воспоемъ мы твоему уходу отъ насъ? Какой вѣнокъ положимъ на твой гробъ? Какіе цвѣты вплетемъ въ него? Но почти вся твоя дѣятельность проходила здѣсь, въ Иркутскѣ, предъ всѣми нами, всѣмъ хорошо извѣстна и потому нѣтъ нужды рекламировать ее, и при жизни ты не любилъ похвалы, а тѣмъ болѣе не мѣсто имъ теперь... Какъ сынъ свѣта, ты ходилъ во свѣтѣ ученій и добрыхъ дѣлъ, заботясь, чтобы этотъ свѣтъ распространялся и на окружающихъ тебя и чтобы тьма не обьяла его. Ты былъ много лѣтъ учителемъ духовной семинаріи и выпустилъ много поколѣній ученыхъ священниковъ и дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной службы. Ты былъ законоучителемъ въ институтѣ дѣвчьемъ Николая I-го и выпустилъ не 1 курсъ учительницъ, воспитательницъ, образованныхъ людей и просто образованныхъ женщинъ. Ты былъ законоучителемъ и учителемъ Промышленнаго училища и выпустилъ не мало курсовъ будущихъ инженеровъ. Ты былъ председателемъ переводческой комиссіи для снабженія крещеныхъ бурятъ священными и богословскими книгами на ихъ родномъ языкѣ. Ты неоднократно былъ председателемъ Епархіальныхъ Съѣздовъ духовенства Иркутской епархіи и Предсѣзд-

ной Комиссіи; ты выработалъ уставъ, сдѣлалъ вычисленія и составилъ таблицу эмеритальной кассы духовенства Иркутской епархіи; ты былъ членомъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членомъ Распорядительнаго его Комитета и редакціонной Комиссіи, членомъ не имени только, не номинально, а дѣятельнымъ, работающимъ, чуть ли не самымъ трудоспособнымъ. Въ послѣдніе годы ни одна книга трудовъ этого общества не миновала твоего опытнаго, критическаго взгляда, твоихъ рукъ, не выходила безъ твоего разсмотрѣнія. Ты всегда былъ желаннымъ членомъ Комитета Общества; къ твоему критико-разумному отзыву, къ твоимъ предложеніямъ всегда прислушивались члены Комитета. Ты извѣстенъ своими знаніями по монголоуѣденію и въ этой области оставилъ свои ученые труды: изслѣдовалъ о буддизмѣ, грамматики монголо-бурятскаго языка и пр. Въ музей нашего Географическаго Общества ты первый описалъ коллекцію буддизма и шаманства, въ обилии разбросанныя въ музейномъ залѣ „Сиверса“ и проч.—всего въ эти скорбныя минуты не перечислишь, да и нѣтъ въ этомъ надобности. И при жизни своей ты былъ слишкомъ простъ, скромнень, совершенно чуждъ честолюбія и какого-либо самоуѣнія. Но, несмотря на это, жизненный путь твой не былъ усыпанъ розами, а иногда и колючими терніями... Но эту завѣсу мы не станемъ приподнимать теперь, въ минуты скорби и сердечнаго волненія... Прими же, дорогой о. Иннокентій Александровичъ, нашъ послѣдній поклонъ тебѣ! Нашу любовь и уваженіе!

А Господа Всевышняго мы молимъ, да подастъ тебѣ вѣчное успокоеніе въ своихъ обителяхъ.“

Послѣ 2-го евангелія произнесъ рѣчь протоіерей Дмитрій Гагаринъ:

Досточтимый о. Протоіерей,

Иннокентій Александровичъ!

Пять лѣтъ тому назадъ (1 сент. 1903 г.) духовенство Иркутской епархіи, въ лицѣ своихъ представителей, о.о. депутатовъ, единогласно избрало тебя предсѣдателемъ вновь организованной постоянной Предсѣздной Комиссіи. Избрало и не ошиблось въ выборѣ.

Комиссія обязана разбирать поступающія въ Съѣздъ дѣла, собирать справки, подводить законы и вообще готовить материалы для Съѣздовъ. Работа кропотливая, отвѣтственная и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не пріятная. Однако ты смѣло и открыто руководилъ ею въ теченіе 5 лѣтъ.

Принимая дѣятельное участіе въ обсужденіи проекта инструкціи для этой комиссіи на Съѣздѣ, ты, сдѣлавшись первымъ и единственнымъ до настоящаго времени предсѣдателемъ сей Комиссіи, на первыхъ же порахъ проявилъ знаніе дѣла, замѣчательную трудоспособность и тактичность. Всѣ дѣла Комиссіи ты самъ предварительно подробно разсматривалъ, дѣлалъ свои замѣчанія, рылся въ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, приводилъ выдержки изъ Вѣдомостей другихъ епархій; по аналогичнымъ случаямъ, цитировалъ законы, давалъ указанія секретарямъ и, такимъ образомъ, весьма старательно и толково подготавливалъ дѣла для представленія комиссіи. Комиссія, выслушивая обстоятельное изложеніе дѣлъ, имѣла полную возможность представлять Епархіальнымъ Съѣздамъ зрѣлыя и предусмотрительныя пожеланія и доклады, на основаніи которыхъ, въ свою очередь, Епархіальные Съѣзды сразу входили въ курсъ даннаго дѣла и, за немногими исключеніями, выносили серьезныя и правильныя постановленія. Такимъ образомъ, твоя работа имѣла весьма серьезное значеніе для нашей епархіи.

Убѣдиться въ сказанномъ не трудно, стоитъ только взять отчеты Епархіальныхъ Съѣздовъ за послѣднія 5 лѣтъ. Пусть же эти отчеты будутъ твоимъ надгробнымъ памятникомъ, а безпристрастная исторія по этимъ памятникамъ отведетъ тебѣ на своихъ страницахъ мѣсто, какъ видному дѣятелю Иркутской епархіальной жизни. Иркутская епархія еще при жизни была тебѣ благодарна за твои труды для нея, будетъ благодарна и по смерти и не оставитъ тебя въ молитвахъ своихъ, въ коихъ ты теперь нуждаешься.

Серьезно работая самъ, ты и насъ, членовъ комиссіи, располагалъ къ тому же. Въ разсужденіяхъ и спорахъ, коими умѣло руководилъ, ты не старался навязывать другимъ взглядовъ, а напротивъ совѣты другихъ ты выслушивалъ, какъ бы малы они ни были, ставилъ ихъ на баллотировку и нерѣдко принималъ къ исполненію...

Не могу не отмѣтить твою талантливость въ наукахъ и искусствахъ вообще, а также твою освѣдомленность по вопросамъ, касающимся жизни религіозной, политической и экономической. Много тебѣ дано было отъ Господа талантовъ и ты не закопалъ ихъ въ землю.

Вотъ примѣръ твоихъ математическихъ познаній. Однажды ученики промышленнаго училища, желая испытать тебя, просили разъяснить имъ канто-лапласовскую или другую какую-то трудную систему, и были прямо поражены, когда ты спокойно и понятно далъ требуемое разъясненіе, и послѣ мнѣ разсказывали объ этомъ съ восторгомъ. Отъ души говорю, что зная тебя со школьной скамьи, я гордился твоими знаніями и успѣхами. Теперь же молю Господа, чтобы онъ сподобилъ тебя услышать счастливыя слова, сказанныя рабамъ, удвоившимъ свои таланты:

„Добрый и вѣрный рабе, въ малѣ былъ еси мнѣ вѣренъ... вниди въ радость Господа Твоего“.

Предъ прощаніемъ произнесли рѣчи протоіерей  
Θивейскій и Вѣрномудровъ.

Протоіерей Θивейскій, обращаясь къ покойному съ послѣдними „прости“, характеризовалъ покойнаго какъ постоянного, подобно апостолу Павлу, искателя правды, какъ человѣка вѣрующаго, любящаго науку, человѣка съ прямымъ и независимымъ характеромъ.

Протоіерей Θ. Вѣрномудровъ произнесъ слѣдую-  
щую рѣчь:

„Возлюбленные о Христѣ отцы и братія!

Досточтимому покойнику, протоіерею о. Инно-  
кентію Александровичу, теперь „похваль и слезъ не  
нуженъ хоръ“. Его душа, освободившаяся отъ всякихъ  
условностей, отъ всего призрачнаго и ложнаго, стоитъ  
теперь уже предъ лицомъ вѣчности и правды вѣчной,  
не преходящей, не мерцающей; его сознаніе, его со-  
вѣсть освѣщена теперь не тусклымъ и колеблющимся  
свѣтомъ „лжеименнаго“, по апостолу, разума, а свѣ-  
томъ разума Божественнаго, разума Христова; онъ  
предсталъ теперь предъ нелицепріятнымъ Судіей и ему  
нужны теперь не наши похвалы, а наши искреннія и  
теплыя молитвы о упокоеніи и мирѣ его души. Теперь  
имѣютъ для него цѣну и значеніе не тѣ дѣла, кото-  
рыя дѣлаются на землѣ и только для земли и распа-  
даются въ прахъ, предаваясь забвенію вмѣстѣ съ име-  
немъ человѣка, а лишь тѣ его дѣла, которыя имѣютъ  
цѣну вѣчности и дѣлались для духа, для неба, для  
вѣчныхъ и святыхъ цѣлей Царствія Божія. Онъ, по-  
чившій, какъ и мы, отцы и братія, былъ прежде все-  
го, священникъ, служитель Алтаря, не только работ-  
никъ, но и надсмотрщикъ въ виноградникѣ Боже-  
ственного Домовладыки, благовѣстникъ Евангелія  
Царствія Божія, свидѣтель истины Богооткровенной  
по заповѣди Христовой: будьте Мнѣ свидѣтели... да-  
же до края земли; совершитель таинъ и органъ бла-  
годати. Вотъ, что здѣсь, въ этой области, великой и

важнѣйшей для вѣчности и для души сдѣлано,\* вотъ это ему теперь и важно, и дорого, и спасительно. Вотъ, что можетъ доставить его мыслящему духу, его христіанской душѣ—утѣшеніе, миръ и радость. Все прочее—тѣнь и прахъ. Устами Церкви Христовой, этой чадолюбивой Матери, почившей говорить теперь намъ, отцы и братія—„Се лежу... посрединѣ всѣхъ молчаливъ и безгласенъ: все умерло... одна лишь истинная любовь никогда не умерщвляется. Тѣмъ же молю всѣхъ знаемыхъ и друзей моихъ, помяните мя предъ Господомъ, яко да въ день судный обрящу милость на судищи ономъ страшномъ“. (стихиры сам. гл. 3). Въ эти серьезные и единственные въ своемъ родѣ минуты, предъ лицомъ вѣчной и грозной правды, дадимъ себѣ, отцы и братія, слово: въ память усопшаго досточтимаго собрата свить ему вѣнокъ не изъ похвалъ и славословій, а изъ того, что ему теперь всего дороже: изъ нашей доброй памяти о немъ, изъ нашихъ постоянныхъ молитвъ объ упокоеніи души усопшаго собрата, изъ тѣхъ многочисленныхъ жертвъ безкровныхъ, которыя на сотняхъ алтарей будутъ возноситься его друзьями, учениками и почитателями. Пусть „вѣчная память“ молитвенная будетъ отъ насъ ему надгробнымъ памятникомъ нерукотворнымъ. Аминь.“

На отпѣваніи присутствовали: Покровитель Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества егермейстеръ Л. М. Князевъ, Главный Инспекторъ учебныхъ заведеній Восточной Сибири Г. П. Василенко, президіумъ распорядительнаго комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, председатель совѣта об-ва общедоступныхъ курсовъ, члены редакціи газеты „Сибирь“, учащіеся промышленнаго училища во главѣ съ педагогическимъ начальствомъ, учащіеся духовной семинаріи съ педагогическимъ персоналомъ.

На гробъ покойнаго было возложено нѣсколько вѣнковъ: отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, отъ совѣта об-ва общедоступныхъ курсовъ, отъ миссіонерской переводческой комиссіи, отъ предсѣздной комиссіи, отъ ссудо-сберегательной и эмеритальной кассъ, отъ „любящихъ учениковъ промышленнаго училища“ и персонала, педагогическаго персонала духовной семинаріи, отъ бывшихъ сослуживцевъ по Институту Императора Николая I-го, отъ съѣзда законоучителей.

Покойный о. протоіерей погребенъ въ оградѣ Тихвинской церкви. Миръ его праху!

### **ЭМЕРИТАЛЬНЫЯ КАССЫ ДУХОВЕНСТВА.**

Однимъ изъ прекраснѣйшихъ епархіальныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ епархіальнымъ създамъ духовенства, по справедливости слѣдуетъ признать эмеритальныя кассы. Последнія призваны удовлетворить сугубо вопіющей нуждѣ духовенства по обезпеченію вдовъ и сиротъ, часто въ буквальномъ смыслѣ оставляемыхъ подъ открытымъ небомъ, такъ какъ вдова, оставшаяся съ сиротами, закономъ обязывается или снести въ извѣстный срокъ съ церковной земли свой домъ, въ большинствѣ случаевъ составляющій единственное ея имущество, или продать его преемнику своего мужа за цѣну, какая благоудобна будетъ ему. Какую тревогу должна вносить въ душевный покой пастыря одна мысль о возможности такого будущаго для его семьи, понять можетъ всякій. Отсюда, помимо своего прямого назначенія — обезпеченія вдовыхъ и сирыхъ, эмеритуръ духовенства несомнѣнно имѣютъ для него большое нравственное значеніе.

Однако, несмотря на очевиднѣйшую цѣлесообразность свою, эмеритальныя кассы духовенства далеко